Текст · 14 января 2026, 10:34
Софья Крылова,

Лера, Саша, Вика и ФСБ. Пока врачи боролись за жизнь новорожденной девочки из Крыма, ее мать и бабушка получили 12 лет по делу о госизмене

«Периодически очень жестко накатывает, и в эти моменты я могу себя тормозить только тем, что ей там не легче. Ей там реально не легче. Ей очень нужна моя поддержка — так, как мне нужна поддержка от моих близких, так же ей нужна и моя. Только это меня периодически тормозит. Но в эти моменты такое чувство, будто весь мир против меня», — писала в своем инстаграме в марте 2025 года 24-летняя[1] жительница Симферополя Александра Стрилец.

Тогда ее только что выписали из больницы после тяжелых родов. Дочь Александры Лера, родившаяся двумя неделями раньше, осталась в реанимации.

Девочка ростом 30 сантиметров и весом 530 граммов[2] появилась на свет 14 марта 2025 года. По словам матери, ей диагностировали бронхолегочную дисплазию[3]. До выписки она могла видеть Леру три раза в сутки, после — всего 15-20 минут в день.

«На второй раз моего посещения она взяла меня за пальчик — теперь это обязательный ритуал, и значит, дальше мы боремся вместе», — рассказывала Александра. Она завела в историях инстаграма раздел «Борьба» и несколько месяцев подробно описывала там все, что происходило с ней и с ребенком.

В середине апреля Лера, по словам Александры, перестала дышать самостоятельно, и ее интубировали. Тем не менее, уже через несколько недель состояние девочки позволило матери впервые подержать ее на руках.

«Сказать, что я испытывала, как-то это передать невозможно. Эмоции меня накрывали весь вечер. То, что я прожила, это настолько классно... То, как она успокаивается, как она кайфует, это просто вообще не передать», — рассказывала Александра подписчикам. 10 июля она выложила последнюю историю о Лере и предупредила, что больше не будет рассказывать о ребенке в открытом аккаунте, где «попадаются какие-то конченые люди, которые позволяют себе что-то писать и оскорблять».

Александра родилась в Севастополе. Ее мать, 42-летняя Виктория Стрилец, вспоминает[4], что рано вышла замуж, встретив в родном городе «офицера».

«В 2014 году мой муж уехал со своей частью в Николаев[5], а я осталась. Я родилась тут, я не могла оставить дом, мать и стабильность, так как двое детей — это ответственность», — пишет Виктория. Она говорит, что все это время ей было «сложно морально и материально»: несколько лет семья прожила «в поездках, звонках и надеждах». Дочери Виктории

жили с отцом и окончили украинскую школу; мать «винила себя в том, что они далеко», но «при любой возможности ездила к ним».

В 2017 году Александра на лето вернулась к матери в Севастополь и готовилась поступать в университет, но «судьба распорядилась иначе». «У моей мамы очень ухудшилось состояние здоровья, ей прокололи стандартное лечение, но оно не помогло. Я потащила ее в частную клинику, и там все были в шоке — ее десять лет лечили от другой болезни, которой не было, — рассказывает девушка. — Ее направили к главному неврологу города, она сдала анализы и МРТ, и ей подтвердили рассеянный склероз[6]».

У Виктории всегда были проблемы со здоровьем — как пишут она сама и ее дочь, в молодости женщина пережила избиение, и «на нервном стрессе» у нее случился инсульт. «Уговаривали меня сделать группу инвалидности, потому что это на всю жизнь. Но... Я же молодая, сильная, зачем? — вспоминает Виктория. — Врачи вытащили меня из последнего вагона, когда уже пошел отек мозга».

Александре пришлось отказаться от поступления в университет, чтобы зарабатывать на лекарства для матери. Она рассказывает, что в первый год успевала работать сразу в трех местах — официанткой и продавщицей в строительном и мясном магазинах, а потом устроилась на заправку. В мясном магазине она познакомилась («точнее, мама познакомила») с мужчиной по имени Максим. В 2020 году девушка забеременела, но вскоре рассталась с Максимом.

У нее родилась дочь Соломия. Как вспоминала Александра в своем инстаграме, первые роды тоже были тяжелыми: и она, и девочка, которая весила чуть больше килограмма, «стояли на пороге смерти и готовы были уйти».

Александра пишет, что ее состояние «резко ухудшилось» во второй половине беременности. На сроке 27 недель она попала в реанимацию с преэклампсией[7] средней тяжести.

«Врачи в севастопольском роддоме почти угробили меня и мою дочь, они пропустили момент, когда у меня отказали почки, а когда заметили, то я отекла уже на 20 кг за одну неделю», — вспоминает Александра. Ее оперировали в перинатальном центре в Симферополе с «отеком в голове», а Виктории сообщили, что дочь умирает.

«То, что мы с дочкой выжили, было чудом, врачи говорили мне об этом неоднократно», — пишет Александра. По ее словам, восстановление было «очень сложным», у ребенка отсутствовали рефлексы, и в первый год приходилось «все время бегать по врачам и сдавать анализы». Александра «не сдавалась», и уже в год Соломия отличалась от сверстников «только ростом».

Все это время Александра жила с матерью, «проходила с ней через ужас и боялась оставить ее одну» — Виктория «могла не понимать, где находится» или «забыть, куда едет».

«Я всегда была рядом с ней и контролировала ее. Даже когда ей стало легче, привычка у нас осталась. Мама

всегда звонила мне и говорила, где она и что с ней», — вспоминает девушка.

Сама Виктория пишет, что несмотря на болезнь не переставала работать[8] и старалась тратить «всю любовь, заботу и время» на детей и внуков: «Работа, дом, работа и все детям». Кроме Александры у нее есть младшая дочь, которая тоже растит ребенка без отца. Виктория рассказывает, что они с дочерьми всегда работали «так, чтобы подменять друг друга».

«С финансами были большие трудности. В такие моменты иногда можно совершить ошибку», — признает Виктория.

Примерно в то же время Александра профессионально занялась астрологией. Девушка пишет, что что эзотерика — «второе по важности дело» в ее жизни после семьи.

«Началось все, когда мне было около пяти лет, и дальше было со мной всю жизнь. Я просто привыкла к тому, что вижу и слышу больше, чем другие, но не лезла в это. А вот в 2020 году решила шагнуть глубже, изучила астрологию, пошла дальше в Матрицу, карты Таро вообще мои друзья. Потом, изучив глубже себя, пошла в магию, начала практиковать, купила руны для изучения, но не успела», — рассказывает Александра.

Когда Соломии было три года, Александра снова встретила Максима — и поняла, что «не может без него». Тогда «на носу была свадьба с другим», но уже через две недели девушка поняла, что «не хочет так жить», и подала на развод. В марте 2024 года

она уволилась, чтобы вместе с дочкой переехать в Симферополь к Максиму.

В последний день перед увольнением Александре в магазин позвонили знакомые и сказали, что «видели, как ее маму задержали».

«Она в тот день была дома с Солей, я начала звонить ей, но телефон был недоступен. Бросила работу и поехала домой — когда пришла, там уже закончился обыск, составляли акты. Все было нормально, моя дочь не испугалась», — вспоминает Александра.

Виктория пишет, что «испытала шок» от происходящего и «не понимала, чем все закончится». Сначала на допрос увезли ее, а потом и Александру. В девять вечера обе женщины вернулись домой. «После длинного разговора они, видимо, поняли, что мы не опасные, адекватные, а может, что-то еще», — рассказывает Виктория.

Женщины не пишут о сути обвинений подробно, ссылаясь на подписку о неразглашении. Версия силовиков была кратко изложена в пресс-релизе прокуратуры уже после приговора: Александра «решила вести конфиденциальное сотрудничество с представителями Украины против безопасности Российской Федерации за вознаграждение», а «к осуществлению этой деятельности привлекла мать». В сентябре 2023 года девушка якобы передала «в распоряжение подконтрольного ГУР МОУ[9] канала» фотографии российских военных объектов, которые сделала Виктория. «Преступную деятельность» женщин выявили сотрудники ФСБ по Черноморскому флоту.

Виктория не отрицает, что сделала снимки и отправила дочери, потому что так они «решили немного заработать, глупые». Однако, по ее словам, они с Александрой так и не решились довести дело до конца: «Не стоит, очень страшно и неправильно это все».

«Экспертиза фото показала, что они не несут ничего серьезного, как бы: "Не переживайте, максимум штраф и условка"», — вспоминает Виктория обещания силовиков. Александра тоже пишет, что информация из ее телефона «не влекла за собой ничего, не несла никакой угрозы и не могла быть использована против безопасности России».

По словам обеих женщин, до сентября 2024 года они «были дома, и все было хорошо», а потом «дело перешло к следователю». Матери и дочери предъявили обвинение в госизмене[10].

Александра пишет, что у Виктории сразу отобрали подписку о невыезде, а сама она первые два месяца[11] провела под домашним арестом. В это время девушка забеременела второй дочерью.

«У меня снова был шок. Я же понимала, чем это грозит — это опасно и для нее, и для ребенка, — вспоминает Виктория. — У нее сразу же начались проблемы со здоровьем, и все врачи настаивали на прерывании беременности. Но это было недопустимо, и мы боролись и с ними, и с собой».

Дело семьи Стрилец Севастопольский городской суд рассмотрел за один день 5 августа 2025 года. Александра и Виктория получили по 12 лет колонии. Обеих взяли под стражу в зале суда и отправили в один из симферопольских изоляторов. По словам Александры, в отсрочке отбывания наказания[12] ей отказали «из-за того, что у детей есть папа».

«Если честно, я была уверена, что мне дадут отсрочку, а маме условный срок. Никто не собирался ехать в тюрьму. Конечно, такие мысли были, но это стало настоящим шоком для меня и для мамы тоже. Мама расплакалась сразу, а на моем лице даже мышца не дрогнула. Я начала плакать, уже когда оказалась в СИЗО», — вспоминает девушка.

Виктория пишет, что во время суда их с дочерью мысли были «совсем в другом месте» — на следующий день Лере должны были делать операцию. После приговора женщина «не особо что-то понимала и слышала»: «Как, почему? Мы же не убийцы, не злобные монстры. Но наша статья слишком тяжелая.

Неважно, какой ты человек, что у тебя за спиной, никому это не интересно».

Заботу о детях взял на себя Максим. По словам Александры, состояние Леры все до сих пор остается нестабильным.

«За время, пока я в СИЗО, она перенесла операцию на легком. Как я поняла, часть легкого начала отмирать, и ей убирали эти мертвые клетки, чтобы они не поражали остальные. Еще ей удаляли грыжу и делали операцию на глаза[13]. Перед Новым годом должны были снова делать, но я пока не знаю, как с этим обстоят дела», — рассказывает она.

Летом Александра писала, что младшей дочери становится лучше: «Лезут зубки, потихоньку учится кушать из бутылочки, ее отключили от всех капельниц». В ноябре в больнице «забыли поменять Лере интубационную трубку», девочке «стало плохо, она дважды за полдня перестала дышать и попала в реанимацию». Максим тогда написал Александре, что за жизнь ребенка боролись «семнадцать врачей».

«Не знаю, как он это пережил, я бы на его месте уже сошла с ума, ибо однажды я уже с ней прощалась, потому что даже врачи не верили, что она задышит, а через два часа она начала дышать», — признается девушка.

По ее словам, сейчас Лера снова лежит «в педиатрии» с Максимом, он ухаживает за дочерью и «пытается отучить ее от аппарата».

«Насколько я понимаю, она может дышать сама, но если нервничает или закашлялась, ей необходим дополнительный кислород, — рассказывает о дочери Александра. — Вроде никаких отклонений у нее нет, она развивается, играет и все понимает. Но пока у нее стоит трубка в трахее, ее не могут кормить из бутылочки, поэтому в основном она ест через зонд, только пюрешки — с ложки».

По словам Александры, «если через два месяца не будет никаких улучшений», то девочку переведут на лечение в Москву, но она хочет, чтобы Лера с отцом «скорее уже пошли домой».

«Лера — мой герой, мой маленький и такой сильный пример того, как нужно любить жизнь и как нужно за нее бороться. Я знаю, что она справится, она сильная, я очень в нее верю», — пишет девушка.

Условия содержания в симферопольском СИЗО Александра называет «более чем» нормальными.

«Тут совсем не так, как показывают в фильмах, а намного лучше. Отношения с сокамерницами хорошие, мы тут все по одной статье, поэтому проблем нет, — объясняет она. — Конечно, есть разногласия, но мы ведь все взрослые люди, поэтому без притирок невозможно. Но хочу сказать, что тут я встретила много хороших людей, искренних и настоящих, и уверена, что со многими мы сохраним общение и после тюрьмы».

Виктория пишет, что первые дни в СИЗО оказались для нее «адом»: «Непонимание происходящего, неизвестность, что происходит дома, как дети, внуки,

и вообще, как дальше быть». Все это время женщине было «невыносимо больно»: она «злилась на себя и весь мир» — «отчаяние, безысходность, осознание, что я подвела своих близких». Увидеться с дочерью она смогла только через два месяца после ареста, когда их «возили на ознакомление[14]».

По словам Виктории, отношение к арестантам с такими статьями, как у них с дочерью, среди сотрудников СИЗО «очень разное»: «Кто-то говорит нам в лицо, кто-то просто смотрит с осуждением».

«Ну я понимаю, что они просто выполняют свою работу и все. Мы же не буйные и не психи, поэтому отношение нормальное, насколько это возможно. Я даже в чем-то им благодарна, потому что слышала истории других девочек и понимаю, что нам еще очень повезло», — пишет женщина.

Как и дочь, Виктория пишет о хороших отношениях с сокамерницами: «У нас у всех одна беда, мы все абсолютно адекватные и здравомыслящие люди, вот только понимание происходящего не укладывается у нас в головах».

Виктория вспоминает, что на свободе «научилась жить со своей болезнью, а иногда даже ей назло», несмотря на «четыре очага» — «два в голове и два в спине», и скучает только по вождению: «Трасса, дорога, музыка». Впрочем, признает она, здоровье «подкашивают сильные эмоциональные впечатления и колебания».

«Раз в полгода нужно проходить лечение, иначе беда. Стараюсь про это не думать. Тут болеть нельзя, никто особо не поможет», — констатирует Виктория.

Александра в письмах уточняет, что матери нужно каждые полгода повторять курс лечения — две недели уколов и капельниц: «Она тоже молодая, я совсем не хочу, чтобы она сидела в тюрьме».

Максиму из-за детей «нечасто удается работать», а когда получается, Соломия «целыми днями катается с ним».

«Он молодец, справляется с двумя. Но Соломия все время говорит, что я ее бросила и забыла о ней, что бы муж ей ни говорил, она не слышит, стоит на своем. От этого очень грустно и больно, тяжело такое читать», — признается Александра. Она пишет, что старшая дочка «разговаривает на русском и английском, очень умная и совершенно не отличается от других детей», и добавляет, что «сильно скучает по своим дюймовочкам».

21 января Третий апелляционный суд общей юрисдикции на выездном заседании в Симферополе рассмотрит жалобу Александры и Виктории Стрилец на приговор.

«Если честно, я уже ни на что не надеюсь, даже не строю себе иллюзий. Но где-то внутри теплится вера, что мне дадут отсрочку. Адвокат насобирал кучу справок и в очередной раз получил документ из больницы, где написано, что присутствие матери необходимо. Ну и, возможно, судья будет человеком, потому что я не понимаю, как можно спокойно

реагировать на мою историю, — пишет Александра. — Я очень хочу верить, что суд будет на моей стороне, но верится с трудом. И чем ближе дата, тем мне страшнее, боюсь, что я этого просто не переживу. 12 лет — это очень страшно, зачем я буду нужна своим детям через 12 лет. Больно все это осознавать, правда».

Виктория пишет, что ждет от суда «справедливости, понимания и милосердия»: «Я очень хочу, чтобы суд был благосклонен к нам. Если со мной еще вопрос, то Саша должна выйти оттуда сразу домой, я даже думать не хочу о другом исходе. Она нужна своим детям, и никак иначе».

Редактор: Дмитрий Ткачев

Адрес для писем:

295006, Республика Крым, г. Симферополь, б-р Ленина, д. 4, ФКУ СИЗО-1

Стрилец Виктория Викторовна, 1983 года рождения

Стрилец Александра Александровна, 2000 года рождения

Работает сервис zt.ru

Исправлено 15 января. *Уточнено место рассмотрения апелляции на приговор.*

1. На тот момент.

2. Нижней границы нормы для доношенных новорожденных считается рост 44 см при весе 2,5 кг.

3. Хроническая болезнь, которая развивается у новорожденных (чаще всего, недоношенных) детей на фоне искусственной вентиляции легких.

4. Здесь и далее цитируются письма разным адресатам, предоставленные ими «Медиазоне» с согласия Виктории и Александры Стрилец.

5. В материковой части Украины.

6. Этот диагноз известен только со слов Александры. «Медиазоне» не удалось ознакомиться с медицинскими документами Виктории Стрилец.

7. Осложнение беременности, характеризующееся повышением давления. Без лечения может привести к эклампсии — сопровождающемуся судорогами скачку давления, которое смертельно опасно для роженицы и плода.

8. В том же мясном магазине, что и дочь.

9. Главное управление разведки Минобороны Украины.

10. Статья 275 УК.

11. Потом меру пресечения изменили на подписку о невыезде.

12. Статья 82 УК позволяет суду отложить отбывание срока, назначенного женщине, пока ее ребенку не исполнится 14 лет.

13. Кроме заболевания легких у Леры диагностирована ретинопатия — поражение сетчатки.

14. С материалами дела.